This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

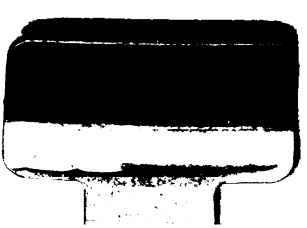
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

24422 e. 131



4 экз 2 экз
178634

ОСТЗЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЛИЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

70

Очеркъ

Барона Ф. Ф. Врангеля

бывшаго директора Императорскаго Александровскаго Лицея,
члена конференціи Николаевской Морской Академіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Безобразовъ и К°., В. О., Большой пр. № 61.
1907.

244422 131

4020
4021
4022

Cocf (1)
Reg (1)

[redacted]936 г.

[redacted]

Остзейскій вопросъ [redacted]

въ личномъ освѣщеніи.

[redacted]

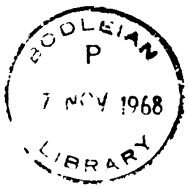
Очеркъ

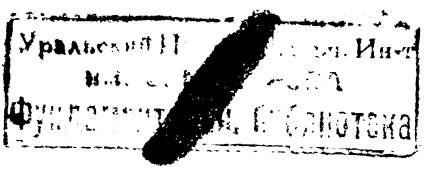
Барона Ф. Ф. Врангеля,

бывшаго директора Императорскаго Александровскаго Лицея,
члена конференціи Николаевской Морской Академіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

9(41)





Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Тип. В. Безобразова и Ко.: Спб., В. О., Больш. пр., 61.

Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи.

Если я рѣшаюсь писать объ остзейскомъ вопросѣ, то не потому, чтобы я надѣялся достичь этимъ какихъ-либо осязательныхъ результатовъ. Я знаю, что предвзятыхъ взглядовъ и враждебныхъ чувствъ къ намъ, нѣмецкимъ балтамъ, среди русскаго общества, никакими доводами, никакими данными не поколебать, и что лишь время да правота нашего дѣла могутъ быть нашими пособниками. Тѣмъ не менѣе внутренняя потребность высказаться неотразимо велика и я берусь за перо, чтобы отвести душу, чтобы успокоить совѣсть, которая неотвязчиво шепчетъ, что мой нравственный долгъ передъ родиной приложить всѣ мои слабыя силы къ тому, чтобы, если не устранить, то хотя бы уменьшить часть тѣхъ недоразумѣній, которыя порождаютъ нелюбовь къ намъ и недовѣріе.

Враждебное къ намъ отношеніе со стороны русскихъ имѣетъ три главныхъ источника: государственныя опасенія, національно-культурную борьбу и принципіальную противоположность взглядовъ.

Государственная сторона вопроса.

Существуетъ среди русскихъ политиковъ мнѣніе, что чѣмъ сильнѣе и вліятельнѣе нѣмецкій элементъ

въ Прибалтійскомъ краѣ, тѣмъ больше опасность, что при тяжкихъ для Россіи внѣшнихъ или внутреннихъ обстоятельствахъ можетъ возникнуть посягательство со стороны Германіи на Прибалтійскій край.

Вслѣдствіе возростающаго могущества Германіи и сильнаго прироста ея населенія, не находящаго примѣненія своихъ силъ въ удобныхъ для европейца колоніяхъ, Германіи остается-де лишь два выхода: либо отнять заморскія владѣнія у одной изъ колоніальныхъ державъ, что достижимо только послѣ смертельной борьбы за обладаніе моремъ съ могущественной Великобританіей, въ союзѣ съ Франціей, либо расширить свои владѣнія на востокѣ, гдѣ еще много земли удобной для колонизаціи германцами.

Не стану входить въ оцѣнку такихъ гадательныхъ предположеній. Хотя вся прошлая исторія, равно какъ традиціи Гогенцоллерновъ и завѣты Бисмарка и не даютъ никакого повода заподозрить отвѣтственныхъ руководителей германской политики въ завоевательныхъ, относительно Россіи, замыслахъ, однако, допустимъ, что могутъ возникнуть обстоятельства дѣлающія такія поползновенія мыслимыми. Спрашивается, какая окраинная политика со стороны Россіи цѣлесообразнѣе, чтобы уменьшить шансы на успѣхъ такого завоевателя? Вооруженное столкновеніе двухъ великихъ державъ, какъ Россія и Германія, есть міровое явленіе такого порядка, что исходъ его зависитъ, конечно, не отъ отношенія мѣстнаго населенія окраины къ этой борьбѣ; несомнѣнно, однако, что задача Россіи облегчится при искренней, глубокой преданности мѣстныхъ жителей ея интересамъ, и затруднится при ихъ враждебномъ, даже при безразличномъ отношеніи.

Ненависть латышей и эстовъ къ нѣмцамъ обнаружилась въ слишкомъ ярко-багровомъ освѣщеніи,

чтобы подлежать сомнѣнію, и это можетъ дать увѣренность, что какъ бы дурно ни было управленіе края русскими властями, наиболѣе численная часть его населенія никогда вторженію нѣмцевъ не только помощи не окажетъ, но будетъ имъ всячески вредить. Нѣтъ, поэтому, надобности спеціально приноравливать окраинную политику, съ цѣлью имѣть латышей и эстовъ противниками германцевъ-завоевателей. Съ этой точки зрѣнія государственная русская власть вполнѣ свободна преслѣдовать въ Прибалтійскомъ краѣ свои прямыя государственныя цѣли и культурныя задачи.

Полагаю, что въ этой части моей аргументаціи я вламываюсь въ открытыя двери и что всякій русскій согласенъ со мною въ томъ, что каковы бы ни были причины ненависти латышей и эстовъ къ нѣмцамъ, она настолько сильна, что вторженіе германцевъ въ Прибалтійскій край встрѣтило бы отпоръ со стороны латышей и эстовъ. Поползновенія латышо-эстонскихъ революціонеровъ учредить самостоятельныя республики, были ребяческимъ выраженіемъ соціалистическихъ мечтаній на націоналистической почвѣ. Конечно, рвались царскіе портреты, убивались русскіе солдаты и правительственныя лица, но не потому, что они русскіе, а потому, что на нихъ упирается существующій общественный строй. Въ этихъ двухъ новыхъ республикахъ власть должна была перейти изъ рукъ прежнихъ болѣе состоятельныхъ и образованныхъ правящихъ классовъ, въ руки менѣе богатыхъ и менѣе образованныхъ классовъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ близко совпадало съ различіемъ по народностямъ. Это совпаденіе двухъ совершенно различныхъ, частью противоположныхъ началъ: соціалистическаго и націоналистическаго, и

придало революціонной вспышкѣ ея интенсивность, но и предвѣщало ей недолговѣчность, даже въ случаѣ временной удачи. Многочисленные и наиболѣе дѣльные латыши и эсты, владѣющіе личною собственностью въ видѣ цѣнныхъ крестьянскихъ дворовъ или городской недвижимости, не безъ злорадства присутствовали при разореніи помѣщичьихъ усадебъ и заводовъ принадлежащихъ нѣмцамъ, но они воспротивились бы всѣми силами національзаціи ихъ собственныхъ земель и домовъ. Революціонныя шайки состояли, какъ извѣстно, преимущественно изъ молодежи отъ 17 до 25 лѣтъ, подъ предводительствомъ сельскихъ учителей новой формаціи и иныхъ полуобразованныхъ представителей свободныхъ профессій.

Обратимся къ другой части мѣстнаго населенія, къ нѣмецкимъ балтамъ. Напоминаю, что въ настоящей части моей статьи я разсматриваю вопросъ исключительно съ одной, опредѣленной стороны, а именно со стороны русскихъ государственныхъ интересовъ въ случаѣ завоевательныхъ намѣреній Германіи на Прибалтійскій край.

Нѣмцы составляютъ численно только около $^1/_{10}$ части населенія, но по историческому прошлому, которое всегда есть нѣкоторая сила, по своему достатку, а главное по культурности и по многовѣковой унаслѣдованной привычкѣ къ совмѣстной, организованной, плодотворной работѣ, этотъ элементъ настолько важенъ, что, какъ извѣстно, вся политика государственной власти по отношенію къ краю за послѣднія десятилѣтія была исключительно и всецѣло направлена къ борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ, къ подрыву его вліянія и главнаго его источника—преимущества въ образованіи.

О пользѣ и вредѣ этой политики съ точки зрѣнія

русской народности, мѣстнаго благоустройства, экономическихъ и культурныхъ задачъ государства, рѣчь будетъ впереди; здѣсь же, повторяю, буду оцѣнивать ее въ видахъ предполагаемой опасности для цѣлости Имперіи.

Спрашивается, можетъ ли быть a priori малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что политика насильственнаго обрусѣнія и неизмѣннаго, кореннаго, оскорбительнаго недовѣрія къ балтійскимъ нѣмцамъ, могла ихъ только оттолкнуть отъ всего русскаго, уменьшить ихъ привязанность къ Россіи?

Въ органахъ русской печати служащихъ сторонниками идеи насильственнаго обрусѣнія, принято заподозрѣвать нашу лояльность, и всякая попытка балтовъ отклонить или ослабить законными путями ударъ наносимый ихъ самобытности, подводилась подъ рубрику балтійской интриги, направленной противъ ясныхъ и опредѣленныхъ предначертаній верховной власти.

Быть лояльнымъ слугою не значитъ стать безотвѣтнымъ холопомъ. Съ самаго начала нарушенія ихъ историческихъ правъ и до послѣдняго времени балты никогда не скрывали своихъ желаній и чувствъ; въ дѣлѣ касавшемся ихъ самыхъ драгоцѣнныхъ благъ: церкви, культуры, нормальнаго (т. е. своеобразнаго) развитія и процвѣтанія ихъ родины, они прибѣгали ко всѣмъ дозволеннымъ средствамъ самозащиты. При прежнемъ режимѣ это исключало для нихъ обращеніе къ общественному мнѣнію; при свободѣ русской, латышской и эстонской печати оскорблять и обвинять нѣмцевъ, мы сами были лишены права отвѣта. Кто не испыталъ этого на себѣ, тому трудно представить себѣ всю злобу порождаемую такимъ положеніемъ. Злоба направлялась непосредственно на представителей враждебной намъ идеи руссификаціи, на тѣхъ

дѣятелей, которые приходили въ край либо ради болѣе быстрой карьеры, либо съ самоувѣренностью носителя высшихъ идеаловъ и болѣе совершенныхъ формъ гражданственности, призванныхъ обновить отсталое, косное общество «бароновъ, пасторовъ и бюргеровъ».

Прошу русскаго читателя вспомнить, что балтійскіе нѣмцы, которыхъ эти дѣятели брались учить уму-разуму, были, въ общемъ, не менѣе, а часто и болѣе ихъ образованы, и что они во всякомъ случаѣ знали лучше ихъ и своеобразныя условія и нужды своей родины, съ которой они связаны узами неизмѣримо болѣе прочными, чѣмъ временныя выгоды или отвлеченныя понятія. Балтійскій нѣмецъ видѣлъ представителями русской государственности и русской народности людей, положившихъ въ основу своей дѣятельности недовѣріе и вражду къ нему, притомъ часто людей невѣжественныхъ, нравственно неустойчивыхъ, сознательно вносящихъ смуту въ край. Неудивительно, что чувство связи съ Россіей изъ сердечнаго, безусловнаго, становилось разсудочнымъ, основаннымъ на очевидной необходимости и на той лояльности, надъ которой такъ глумятся. Не могу по этому поводу не сказать нѣсколькихъ словъ.

Характеръ нѣмцевъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у насъ, балтовъ, вслѣдствіе нашей многовѣковой замкнутости, дѣлавшей въ прежнее время смѣшанные браки съ туземнымъ населеніемъ почти невозможнымъ явленіемъ, сохранилась въ значительной мѣрѣ чистота нѣмецкой крови и вѣками выработался особый, весьма опредѣ-

ленный типъ, притомъ отличающійся въ Эстляндіи и Лифляндіи нѣсколько отъ курляндскаго, находившагося долгое время въ общеніи съ польскимъ элементомъ, тогда какъ въ сѣверныхъ провинціяхъ преобладало шведское вліяніе.

Въ основѣ нашихъ расовыхъ особенностей лежитъ типъ нижне-германскаго племени, которое доставило наибольшее число родоначальниковъ балтійскихъ дворянъ и горожанъ. Вслѣдствіе этого у насъ множество нелюбезныхъ свойствъ сѣверо-германскаго племени; между прочимъ склонность къ самодовольству, властолюбіе, обидчивость, безтактность, но есть и нѣкоторые его достоинства, въ числѣ которыхъ я считаю наиболѣе выдающимися: правдивость, чувство долга и вѣрность (Treue). Желая понять насъ, надо имѣть это въ виду. Эта вѣрность или лояльность совмѣстима съ развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ критикой власти и ничего общаго не имѣетъ съ раболѣпіемъ, но—она не совмѣстима съ *измѣной*. Эту германскую черту, замѣченную древними, воспѣтую въ національномъ эпосѣ, можно прослѣдить во всѣхъ проявленіяхъ германской исторической жизни. На ней была основана прочность и сила германскихъ дружинъ, завоевавшихъ почти всю Европу, благодаря ей сложилась пестрая политическая картина Германіи, не истершаяся даже и въ обновленной имперіи. Вслѣдствіе этой же національной черты среди нѣмцевъ всегда процвѣтали междоусобицы, протесты, возстанія, но не прививались тайныя сообщества и заговоры. Часты случаи неповиновенія,— но крайне рѣдки измѣны.

На эту національную черту нѣмцевъ всегда можетъ положиться и русскій Царь, будь преслѣдуемая имъ въ остзейскомъ краѣ политика враждебна его

нѣмецкимъ подданнымъ, или нѣтъ. Но само собою разумѣется, что поколѣнія, выросшія во время притѣсненій и несправедливостей, не могутъ имѣть того пламеннаго чувства русскаго патріотизма, который воодушевлялъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ и которыми проникнуты тѣ изъ насъ, которые выросли или жили среди русскихъ. Громадный запасъ унаслѣдованныхъ чувствъ солидарности, скрѣпленныхъ полуторовѣковою совмѣстною исторіею, растраченъ близорукою политикой недовѣрія и подозрительности, которая указывала, какъ на одно изъ своихъ основаній и побудительныхъ причинъ, на недостаточность русскаго патріотизма у нѣмецкихъ балтовъ. Придумали же способъ прививать любовь ударами кулака по лбу!

Ясно для всякаго вдумчиваго человѣка, что съ исключительно государственной точки зрѣнія политика обрусѣнія и борьбы съ нѣмецкимъ элементомъ края неизбѣжно должна была привести и привела къ обратнымъ результатамъ.

Впечатлѣнія дѣтства.

Позволяю себѣ подкрѣпить мои общія соображенія личными воспоминаніями и впечатлѣніями; это дѣлаю потому, что нахожу, что частные примѣры наилучшимъ образомъ поясняютъ общія начала.

Отецъ мой *), сынъ лифляндскаго помѣщика, при

*) Фердинандъ Петровичъ Врангель, извѣстный изслѣдователь Ледовитаго океана (1821—24 гг.), впослѣдствіи выдающійся правитель нашихъ сѣверо-американскихъ колоній, затѣмъ директоръ россійско-американской компаніи (1830—49), съ 1849 по 1854 г. въ отставкѣ, съ 1856—57 управляющій

поступленіи въ морской корпусъ еле зналъ по русски, но за 8 лѣтъ пребыванія въ корпусѣ настолько освоился съ русскимъ языкомъ, что во время своего перваго кругосвѣтнаго плаванія подъ командою Головина (1817—19) онъ даже дневникъ свой велъ по русски. Всѣ его сочиненія написаны по русски и лишь потомъ переведены на другіе языки.

Въ семьѣ у насъ разговорный языкъ былъ нѣмецкій, но чтобы съ раннихъ лѣтъ научить насъ русскому языку, няня у дѣтей была русская. Она насъ научила не только говорить по русски, но и любить русскихъ. Съ 1848-го по 1855 годъ, т. е. съ пятаго по двѣнадцатый годъ моей жизни, я провелъ сначала въ нашемъ имѣніи въ Эстляндской губерніи, а затѣмъ въ частной школѣ въ Ревелѣ.

Время Крымской войны оставило неизгладимыя впечатлѣнія въ мальчикѣ. Я въ то время (въ Ревелѣ) былъ окруженъ исключительно нѣмецкими балтами; всѣ наши знакомые и друзья были тѣ же эстляндскіе помѣщики, учителя, пасторы—все нѣмцы. По смерти няни у насъ въ домѣ вся прислуга была эстонская, не говорившая ни по русски, ни по нѣмецки, такъ что, за неимѣніемъ практики, я и по русски то сталъ говорить плохо. Но пламенный русскій патріотизмъ окружавшей меня нѣмецкой среды былъ настолько силенъ, гордость проявленіями русскаго геройства, грусть и злоба при пораженіяхъ и неудачахъ, были такъ всеобщи и сильны, что я былъ счастливъ, когда

морскимъ министерствомъ во время самой живой эпохи реформъ при юномъ Генералъ-Адмиралѣ, Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Скончался въ 1870 г. въ чинѣ адмирала и въ званіи генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта.

отецъ, вновь поступивъ на службу, опредѣлилъ меня въ морской корпусъ: я увидѣлъ возможность въ будущемъ сражаться за царя и отечество, по преданіямъ моего, искони военнаго рода. Почти всѣ ученики выпускнаго класса дворянской вышгородской гимназіи (Domschule) поступили тогда юнкерами въ полки отправлявшіеся на театръ войны.

Первые годы пребыванія въ корпусѣ я прожилъ пенсіонеромъ въ семьѣ инспектора классовъ А. И. З-го, достойнѣйшей представительницѣ типа семьи русскаго помѣстнаго, средней руки, дворянства. Обширное родство связанное тѣсными узами патріархальнаго, благочестиваго быта, домашняя прислуга— дворовые крѣпостные.

Годы проведенные въ этой прекрасной семьѣ сблизили меня болѣе съ русскимъ бытомъ, чѣмъ можетъ быть вся моя послѣдующая жизнь среди русскихъ, и ей я въ значительной степени обязанъ тою любовью ко всему русскому и искреннею, непоколебимою вѣрою въ нравственныя свойства русскаго племени, которыя поддерживали меня въ тяжелые дни нравственныхъ испытаній.

Въ самомъ корпусѣ, гдѣ я сначала посѣщалъ только уроки и лишь съ переходомъ въ спеціальные классы поступилъ въ интернатъ, я видѣлъ много безобразнаго, грубаго, развращеннаго, но въ общемъ и здѣсь вынесъ хорошія воспоминанія и никогда, ни въ корпусѣ, ни во время 40-лѣтней моей службы я *лично* не испыталъ ни малѣйшей непріятности изъ за того, что я нѣмецъ; я перенесъ много нравственныхъ страданій, видя несмолкаемую травлю на мою народность въ печати, считавшей себя истою выразительницею русскаго самосознанія; но личной вражды къ отдѣльному нѣмцу я не встрѣчалъ среди русскихъ, даже

среди ярыхъ славянофиловъ и ненавистниковъ всего нѣмецкаго.

Первые годы моей службы свели меня съ нѣкоторыми политически «неблагонадежными» элементами, черезъ посредство двухъ студентовъ, замѣченныхъ въ обладаніи запрещенными книгами и опредѣленныхъ, въ видѣ исправительнаго наказанія, юнкерами во флотъ. Частью ихъ личное вліяніе, а еще въ большей мѣрѣ все политическое настроеніе тогдашней обновленной Руси (начало царствованія Александра II-го), сдѣлали меня восторженнымъ поклонникомъ Герцена, Огарева, Чернышевскаго и т. д., и я рѣшилъ бросить морскую службу, поступить въ русскій университетъ и посвятить себя революціонной политической дѣятельности. Подъ вліяніемъ чтенія «Колокола», въ моихъ глазахъ безапелляціоннаго авторитета по всѣмъ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ, я возненавидѣлъ остзейскихъ бароновъ, какъ угнетателей порабощенныхъ ими племенъ и какъ оплотъ самодержавія, въ лицѣ генераловъ и чиновниковъ—остзейцевъ.

Я воспользовался сильнымъ припадкомъ ревматизма, схваченнаго мною въ плаваніи, чтобы объявить отцу, что я желаю покинуть службу и поступить въ московскій университетъ. Старикъ, давно меня не видавшій и не знавшій о моемъ образѣ мыслей, позаботился послать меня сначала на воды лечить уже прошедшій ревматизмъ, а затѣмъ выхлопоталъ мнѣ право поступить вольнослушателемъ въ дерптскій университетъ, не покидая окончательно морской службы. Онъ надѣялся, что когда здоровье мое окрѣпнетъ и когда жажда знаній будетъ утолена, я охотно вернусь къ морскому дѣлу, которое онъ самъ такъ страстно любилъ. Онъ выбралъ дерптскій университетъ не изъ соображеній національныхъ (мой старшій братъ

окончилъ, по желанію отца, курсъ въ петербургскомъ университетѣ), а лишь потому, что это былъ въ то время единственный россійскій университетъ, котораго не коснулись студенческіе безпорядки. Какъ ни тяжело мнѣ было разставаться съ моими мечтами, но мысль о неповиновеніи отцу мнѣ, ярому революціонеру, и во снѣ не снилась! Нѣсколько недѣль проведенныхъ въ деревнѣ среди семьи, съ которою я давно не видѣлся, обогрѣли враждебно настроенную душу и когда отецъ лично повезъ меня въ Дерптъ, чтобы представить меня нѣкоторымъ изъ знакомыхъ ему профессоровъ, мною овладѣло какое то чувство благоговѣнія, при видѣ университетскаго зданія, при личной встрѣчѣ ученыхъ мужей, моихъ будущихъ учителей, при видѣ толпы веселыхъ буршевъ, въ ихъ пестрыхъ корпоративныхъ шапкахъ. Всѣ мои революціонныя вожделѣнія, мои германофобскія убѣжденія, были въ сущности внѣшнимъ, тонкимъ налетомъ. Быстро исчезъ этотъ чуждый мнѣ слой воспріятыхъ воззрѣній, когда я, благодаря личнымъ связямъ, вступилъ въ болѣе тѣсное общеніе со студентами, въ особенности съ моими ближайшими земляками эстляндской корпораціи. Знакомясь ближе съ ихъ корпоративною жизнью, участвуя въ ихъ пиршествахъ, возобновляя дружбы дѣтства, я вскорѣ почувствовалъ силу духовнаго родства, заглохшихъ преданій и впечатлѣній дѣтства: они не замедлили превратить молодого критика въ убѣжденнаго приверженца этой своеобразной жизни.

Дерптскій университетъ.

Годы проведенные мною въ Дерптѣ, 1862, 63, 64, были цвѣтущимъ временемъ этого университета. Попечителемъ округа былъ извѣстный геологъ графъ

А. Кейзерлингъ, человѣкъ выдающагося ума, пользовавшійся особымъ благорасположеніемъ Великой Княгини Елены Павловны и Императора Александра II-го. Въ числѣ профессоровъ были европейскія знаменитости: астрономъ Мэдлеръ, физикъ Кемцъ, математикъ Миндингъ, физіологъ Биддеръ, ботаникъ Шлейденъ, химикъ К. Шмидтъ, философъ Циглеръ, богословъ Энгельгардтъ, три брата Эттингенъ, богословъ, хирургъ и физикъ, и другіе.

Шла оживленная борьба партій и направленій какъ въ области научной, такъ и въ мѣстной политикѣ, гдѣ среди дворянства либералы подъ предводительствомъ А. фонъ-Эттингена боролись съ консерваторами руководимыми не менѣе даровитыми людьми, барономъ Г. Нолькеномъ и А. фонъ-Рихтеромъ.

Одновременно съ плодотворною работою въ области мѣстныхъ реформъ, начинались первыя проявленія младо-латышскаго и младо-эстонскаго движенія, направленнаго противъ преобладанія нѣмцевъ въ краѣ, но принимавшаго первоначально скорѣе культурное, чѣмъ политическое направленіе.

Подъемъ русскаго общественнаго самосознанія, получившаго, вслѣдствіе польскаго мятежа, то исключительное направленіе, которое олицетворялось крупнымъ талантомъ Каткова, обратилось, послѣ подавленія польскаго мятежа, и противъ остзейскаго края. Настоятельно требовалось введеніе русскаго дѣлопроизводства во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, преподаваніе на русскомъ языкѣ во всѣхъ школахъ, отмѣна всѣхъ мѣстныхъ особенностей и приравненіе общественнаго устройства края съ чисто-русскими губерніями. Это непризнаніе ни всей фактической самобытности окраины, ни ея историческихъ условій и правъ, вызвало со стороны руководящей, нѣмецкой части

населенія живой отпоръ. Въ Дерптѣ, въ этомъ сердцѣ прибалтійскаго края, всѣ эти вопросы и стремленія отражались съ особою живостью. Хотя студенческія корпораціи по основному принципу своему и чужды политикѣ, но каждый студентъ въ отдѣльности конечно интересовался ею и обсуждалъ ее въ бесѣдахъ и спорахъ съ пріятелями. Прислушиваясь къ этимъ спорамъ, меня поразили двѣ особенности, которыя оставили глубокій слѣдъ на всемъ послѣдующемъ складѣ моей политической мысли: я прибылъ въ Дерптъ съ мальчишескимъ самомнѣніемъ и съ вынесеннымъ изъ обличительной и запрещенной литературы убѣжденіемъ, что всякій образованный, честный и мыслящій человѣкъ долженъ непремѣнно быть демократомъ, либераломъ и невѣрующимъ; для меня консерваторъ, крѣпостникъ, отсталый, тупоумный, были почти синонимы, нѣчто въ родѣ того, что теперь среди «сознательныхъ» подводится подъ ярлыкъ «черносотенный». Я считалъ, что представителей такихъ воззрѣній можно только презирать, въ добромъ случаѣ сожалѣть, но никакъ не спорить съ ними на правахъ равенства и ради выясненія истины, ибо истина была одна, простая, давно открытая и неподлежащая никакимъ поправкамъ. Слѣдя въ Дерптѣ за преніями въ обществѣ и въ мѣстной печати между представителями либерализма и консерватизма, я къ удивленію своему скоро замѣтилъ, что не такъ то легко было опровергнуть доводы послѣднихъ и что во всякомъ случаѣ, если по моему мнѣнію правда и была скорѣе на сторонѣ либераловъ, то тѣмъ не менѣе знаніе, умъ, талантъ и нравственныя достоинства встрѣчались въ равной мѣрѣ и у ихъ политическихъ противниковъ. Въ общеніи же съ моими сверстниками студентами я былъ пораженъ тѣмъ, что въ тѣсной, истинно-брат-

ской связи членовъ той же корпораціи соединялись юноши самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и самаго различнаго общественнаго положенія. Тутъ былъ и медикъ-матеріалистъ, и глубоко вѣрующій богословъ, и консерваторъ - историкъ, и юристъ - либералъ, и критикъ-естественникъ; царила полная свобода отвлеченныхъ воззрѣній и строгая безусловная дисциплина относительно нравственныхъ понятій порядочности (Honorigkeit), въ основѣ коихъ лежали два начала: правдивость и мужество. Не менѣе пестроты представляло и соціальное положеніе товарищей: тутъ сыны знатныхъ помѣщиковъ, богатыхъ горожанъ, ученыхъ врачей, пасторовъ, юристовъ, встрѣчались на правахъ полнаго, дѣйствительнаго равенства съ сыномъ ремесленника или крестьянина. Это не фантастическая идиллія, но сущая истина. Всякій знавшій прежній Дерптъ подтвердитъ это. Въ мое время еще не было отдѣльныхъ землячествъ эстовъ и латышей и студенты этихъ народностей, желавшіе участвовать въ корпоративной жизни, поступали въ одну изъ четырехъ старыхъ корпорацій: Curonia, Estonia, Livonia, Fraternitas Rigensis или же оставались «дикарями» (Wilder), т. е. внѣ корпорацій. Нѣкоторые изъ выдающихся первоначальныхъ иниціаторовъ и руководителей младолатышскаго и - эстонскаго движенія были въ свое время членами вышеназванныхъ старыхъ нѣмецкихъ корпорацій. Уже въ семидесятыхъ годахъ обострившіяся отношенія между національностями вызвали отдѣленіе латышей и эстовъ въ особыя корпораціи, признанныя равноправными членами общихъ федеративныхъ студенческихъ учрежденій: конвента старостъ (Chargirtenconvent), суда чести (Ehrengericht) и товарищескаго суда (Burschengericht).

На меня, привыкшаго раньше къ одностороннему

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

освѣщенію всѣхъ общественныхъ вопросовъ съ единственной, узко-радикальной точки зрѣнія моего кружка, это постоянное общеніе съ людьми различныхъ направленій произвело отрезвляющее, благодѣтельное вліяніе. По психологіи юности меня сильнѣе убѣждали доводы моихъ сверстниковъ, чѣмъ людей пожилыхъ. Въ русской просвѣтительной литературѣ того времени я начитался о томъ, что въ насъ, въ юномъ поколѣніи, вся надежда Россіи; что старое поколѣніе, сроднившись съ отжившимъ свой вѣкъ устройствомъ, не можетъ съ нимъ безъ борьбы разстаться, а потому я сначала не обращалъ должнаго вниманія на ихъ мнѣнія. Но когда мои трафаретныя фразы встрѣчали дѣльную критику со стороны молодыхъ людей не менѣе меня честныхъ и воспріимчивыхъ, но разностороннѣе образованныхъ, тогда лишь возникло во мнѣ сомнѣніе въ безусловной непреложности моего политическаго credo. А вмѣстѣ съ сомнѣніемъ явилось и желаніе изучить вопросъ съ разныхъ сторонъ. Когда я, послѣ перваго полугодія, поѣхалъ на каникулы въ деревню, къ старшему брату, я уже вглядывался въ окружающія меня бытовыя и экономическія явленія не съ предвзятымъ рѣшеніемъ, а съ пытливостью человѣка сознающаго свое невѣжество.

Послѣ двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ въ Дерптѣ, я вернулся на государственную службу, но уже не революціонеромъ, а вѣрнымъ царскимъ слугою, видѣвшимъ свою задачу въ добросовѣстномъ исполненіи своего долга, а не въ преступномъ распространеніи своихъ незрѣлыхъ представленій о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества.

Въ Дерптѣ обогатились конечно и мои скудныя научныя познанія и поднялся общій уровень моего развитія, но главное благодѣяніе этихъ $2^1/_2$ лѣтъ

было вышеуказанное отрезвленіе моего политическаго мышленія. За это я вѣчно признателенъ бывшему Дерптскому университету и моему отцу, направившему меня туда.

Національный вопросъ.

Я позволилъ себѣ это длинное личное отступленіе потому, что оно имѣетъ прямое отношеніе къ предмету настоящей статьи.

Одно изъ обвиненій на насъ взводимыхъ состоитъ въ томъ, что мы дѣлаемъ различіе между интересами Россіи и русскими интересами на окраинѣ. Если отождествлять русскіе интересы съ успѣхами руссификаціи, то это обвиненіе справедливо: чѣмъ успѣшнѣе шла внѣшняя руссификація, тѣмъ непримиримѣе казались остзейцу эти два понятія. Постепенное усиленіе этого различія я могу прослѣдить по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ. Во время моего дѣтства (эпоха Крымской войны) въ той дворянской средѣ, гдѣ я выросъ, этого различія вовсе не дѣлали. Мужчины, если не служили раньше въ арміи или во флотѣ, то говорили плохо по русски, дамы же въ большинствѣ случаевъ этого языка вовсе не знали; тѣмъ не менѣе всѣ съ гордостью считали себя русскими, не сознавая того, что это слово имѣетъ два различныхъ значенія: одно этнографическое, другое политическое; всѣ были увѣрены, что Россіи по праву подобаетъ быть первымъ государствомъ въ мірѣ; что россійское воинство по доблести своей не имѣетъ себѣ равнаго; русскихъ чиновниковъ не могли ненавидѣть потому, что ихъ въ краѣ не было, такъ какъ на немного-

численныя правительственныя должности *) тогда назначали почти исключительно лицъ изъ мѣстныхъ же уроженцевъ; русскихъ журналистовъ тогда, за отсутствіемъ газетъ, вообще не было; учителя во всѣхъ школахъ, отъ уѣзднаго училища до университета включительно, были нѣмцы, въ народныхъ и сельскихъ училищахъ, гдѣ преподаваніе шло исключительно на мѣстномъ языкѣ, учителями были латыши или эсты, воспитанные въ духѣ мѣстной, лютеранской церкви.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ бытность мою въ Дерптѣ, великое обновленіе Россіи дало и въ остзейскомъ краѣ возможность къ болѣе живому проявленію мѣстныхъ стремленій для замѣны отжившихъ свое время формъ болѣе современными, тогда какъ въ предшествовавшее царствованіе Николая I-го, крупныя измѣненія существующаго не допускались. Стремленія либеральныхъ партій остзейцевъ среди дворянства, горожанъ и лицъ свободныхъ профессій не имѣли отвлеченнаго характера, оставались на почвѣ дѣйствительности, задаваясь цѣлью усовершенствовать мѣстный строй на основаніи его историческаго прошлаго, но отнюдь не уничтожать особенностей края ради единообразія съ остальными частями имперіи. Въ началѣ царствованія Александра II-го эти стремленія находили поддержку со стороны представителей государственной власти и въ эти годы осуществлено не мало важныхъ и цѣлесообразныхъ мѣропріятій: была подготовлена почва и выработаны законопроекты для коренной реформы судоустройства,

*) Большинство земскихъ административныхъ и судейскихъ функцій были обязательною, срочною, *безвозмездною* повинностью и правомъ помѣстнаго дворянства, избиравшаго на извѣстный срокъ чиновъ администраціи и судей.

земскаго и городскаго самоуправленія, въ видахъ постепеннаго расширенія исключительныхъ правъ привиллегированныхъ сословій на остальные классы населенія. Шла живая, созидательная работа, какъ плодъ борьбы двухъ вѣчныхъ историческихъ началъ: одного—ищущаго новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ общественности, другого — защищающаго наслѣдіе предковъ. Эта борьба, порою доходившая до личныхъ столкновеній выдающихся вождей, была внутренняя и обѣ стороны искали поддержку у государственной власти. Одни находили ее болѣе у мѣстныхъ администраторовъ, другіе аппелировали къ центральному правительству,—всѣ искали сочувствія Государя.

Но съ подавленіемъ польскаго мятежа, съ возростающимъ усиліемъ того направленія, котораго выразителемъ были «Московскія Вѣдомости», былъ положенъ конецъ всей этой кипучей, плодотворной мѣстной жизни, окончательнымъ установленіемъ какъ государственнаго начала: полнаго единообразія всѣхъ учрежденій на всемъ пространствѣ россійской имперіи, безусловнымъ требованіемъ введенія русскаго языка во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и школахъ, отрицаніемъ всѣхъ особыхъ правъ и привиллегій затрудняющихъ полное осуществленіе простой государственной программы, выражающейся единымъ словомъ: *руссификація.*

Я здѣсь намѣренно примѣняю иностранное слово вмѣсто соотвѣтственнаго русскаго: обрусѣніе, которое выражаетъ процессъ внутренній, духовный. Обрусѣніе всегда происходило и происходитъ на Руси; обрусѣли постепенно цѣлыя области, нѣкогда иноплеменныя; обрусѣли, впродолженіе вѣковъ, милліоны отдѣльныхъ лицъ, въ томъ числѣ и не мало нѣмецкихъ балтовъ. Руссификація же, съ другой стороны, обо-

значаетъ совокупность *внѣшнихъ* мѣръ для отмѣны мѣстныхъ особенностей: замѣна мѣстнаго языка русскимъ въ администраціи, въ судѣ, въ школахъ; замѣна надписей, объявленій, и т. п. на мѣстномъ языкѣ русскими; замѣна имени города Дерптъ — Юрьевомъ; постройка православнаго храма на ревельскомъ Вышгородѣ ради того, чтобы внѣшнимъ образомъ проявить господствующее значеніе правительственной церкви (эсты ее называютъ казенною). Внѣшняя руссификація — дѣло крайне простое, ибо требуетъ лишь примѣненія власти, а не мысли, и она удалась вполнѣ; но въ одинаковой мѣрѣ съ ея успѣхомъ удалена возможность духовнаго обрусѣнія и ослаблена нравственная связь населенія съ русскою государственною мыслью.

Школьный вопросъ.

Возвращаясь, время отъ времени, на родину я съ грустью видѣлъ и постепенное торжество руссификаціи и его неизбѣжное, отталкивающее дѣйствіе на чувства моихъ земляковъ и—землячекъ.

Женщинъ мало коснулись непосредственно административныя, судебныя измѣненія, но ихъ за живое задѣло искаженіе школы. Вѣдь не только государственныя школы были отчуждены отъ семьи, но всяческими чиновничьими каверсами преслѣдовалась возможность и на частныя средства вести воспитаніе и образованіе дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, по желаніямъ родителей! Не надо быть проницательнымъ сердцевѣдомъ, чтобы понять, какъ оттолкнуло отъ всего русскаго эта политика, исчадіе національнаго фанатизма и чиновничьяго недомыслія.

Если руссификація нашей образцовой средней школы и славнаго Дерптскаго университета коснулась главнымъ образомъ высшихъ, нѣмецкихъ слоевъ въ остзейскомъ краѣ, оттолкнувъ ихъ отъ всего русскаго, то введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ въ народной школѣ имѣла еще и другое, пагубное послѣдствіе: коренную деморализацію подростающихъ поколѣній эстовъ и латышей.

Прошу читателя на время отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ идей объ этомъ вопросѣ, представить себѣ фактическое, никѣмъ не оспариваемое положеніе вещей, — и сдѣлать изъ него логическій выводъ.

Какъ извѣстно, народная школа въ остзейскомъ краѣ выросла *всецѣло* по иниціативѣ помѣщиковъ-дворянъ и лютеранскаго духовенства. Она была тѣсно связана съ мѣстною протестантскою церковью. Учительскія семинаріи воспитывали учителей въ духѣ церкви, а за ихъ дѣятельностью слѣдили пасторы, инспекторы — дворяне и выборные отъ крестьянъ. Учителя своимъ нравственнымъ поведеніемъ служили примѣромъ населенію и ихъ ученье шло въ духѣ исповѣданія ихъ родителей и конечно не стремилось къ усиленію племенной вражды, но къ ея уменьшенію.

Когда народная школа была отклонена отъ своего прямаго, воспитательнаго назначенія и превращена въ политическое оружіе направленное противъ дворянства, духовенства и вообще противъ нѣмецкой части населенія, то неминуемо должны были возникнуть и возникли тѣ прискорбныя явленія, которыя съ ужасающею яркостью обнаружились во время революціи. Назначались учителями люди проникнутые ненавистью къ нѣмцамъ и къ лютеранской церкви; они съумѣли

разжечь и усилить въ ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтяхъ зародыши племенной и соціальной вражды и отклонить ихъ отъ того церковнаго ученія, на которомъ покоилась нравственность ихъ родителей. Революціонная вспышка, въ которой народные учителя новой формаціи приняли такое выдающееся участіе, была преимущественно дѣломъ молодаго поколѣнія.

Оставляя пока въ сторонѣ всѣ иныя причины, вызвавшія революцію, ни одинъ безпристрастный или просто правдивый человѣкъ не можетъ отвергать того факта, что руссификація народной школы способствовала революціи въ сильнѣйшей степени. Она содѣйствовала распространенію среди юныхъ поколѣній туземнаго населенія соціалистическихъ ученій, вытравила изъ ихъ душъ религіозныя вѣрованія, растравляла національную ненависть и вызывала надежды и вожделѣнія, осуществимыя только при уничтоженіи двухъ основъ современнаго государства: наслѣдственной собственности и преобладающаго вліянія образованныхъ классовъ. На этихъ началахъ пока основана и россійская имперія: несмотря на отсутствіе сословности, для достиженія въ ней власти нужна извѣстная степень образованности, которая легче достигается людьми съ достаткомъ. Пока этотъ государственный строй существуетъ, сохранится и фактическое преобладаніе нѣмцевъ въ краѣ; его можно ослабить искусственными мѣрами, но нельзя сломить ихъ силу, не поколебавъ государственнаго строя. Это сознавали нѣкоторые русскіе государственные люди и смутно чувствуютъ вожаки эстовъ и латышей; вотъ почему явился временный союзъ націоналистовъ съ соціалистами, въ борьбѣ съ нѣмцами и съ россійскимъ государствомъ, и вотъ почему съ точки зрѣнія интересовъ государства политика, враждебная состоятель-

нымъ и образованнымъ классамъ, была въ корнѣ ошибочна и безплодна.

Сводя итоги вышеизложеннаго, нельзя не прійти къ выводу, что съ узко-государственной точки зрѣнія вообще, а въ частности въ виду возможныхъ завоевательныхъ замысловъ Германіи, политика руссификаціи несомнѣнно не усилила, а ослабила позицію Россіи на ея сѣверо-западной окраинѣ, оттолкнувъ глубоко преданныхъ нѣмцевъ и вызвавъ въ латышахъ и эстахъ противо-государственныя стремленія.

Русское національное чувство.

Другая причина враждебной намъ политики, это національно-культурная борьба славянскаго племени съ германскимъ.

Получило ли русское національное чувство удовлетвореніе отъ политики преслѣдуемой на окраинѣ за послѣднія десятилѣтія? Это вопросъ чувства, а не разсудка и потому объективный отвѣтъ, вполнѣ возможный при точки зрѣнія государственной, здѣсь не возможенъ.

Въ моемъ искреннемъ желаніи быть безпристрастнымъ я мысленно становлюсь на точку зрѣнія русскаго человѣка съ крайнимъ націоналистическимъ направленіемъ, который считаетъ безусловно справедливымъ требованіе преобладанія русской народности и православной церкви на всемъ пространствѣ россійской имперіи.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о правильности самой точки зрѣнія, спрашиваю себя, можетъ ли такой русскій человѣкъ быть довольнымъ результатомъ политики, основанной на этихъ началахъ?

Я понимаю, что многое въ прежнемъ строѣ края могло оскорблять его національное чувство. Языка его не понимали, законы были особые, весь гражданскій строй былъ иной; въ общественной жизни первенствующую роль играли нѣмцы, которымъ присуще, въ числѣ ихъ дурныхъ свойствъ, несомнѣнная склонность къ самодовольному высокомѣрію, вслѣдствіе чего русскій посѣтитель или житель края могъ иногда испытывать, помимо національнаго неудовольствія, еще и личную обиду. Онъ не могъ, въ этомъ нѣкогда завоеванномъ краѣ, чувствовать себя побѣдителемъ, представителемъ господствующаго племени; оскорбляться могло также и чувство сына православной церкви, привыкшаго смотрѣть на лютеранство какъ на терпимую лишь ересь, при видѣ сравнительнаго убожества православныхъ храмовъ, рядомъ съ величіемъ протестантскихъ церквей, съ ихъ гордо возвышающимися готическими шпицами указывающими уже издали путнику, что здѣсь не «Русью пахнетъ», и что здѣсь онъ на почвѣ чуждой ему культуры.

Теперь, послѣ трехъ десятилѣтій усиленной руссификаціи, многое въ этомъ измѣнилось. На желѣзныхъ дорогахъ, во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ онъ услышитъ русскую рѣчь; всѣ публичныя надписи русскія; судопроизводству, городскому самоуправленію и многимъ другимъ отрослямъ государственной жизни приданы тѣ же внѣшнія формы, что и въ остальной Россіи; преподаваніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, шло на русскомъ языкѣ. Во многихъ мѣстахъ воздвигнуты православные храмы и на гордой твердынѣ эстляндскихъ бароновъ, на Ревельскомъ Вышгородѣ, высится златоглавый соборъ. Край присоединенный Петромъ къ русскому государству, завоеванъ вторично русскою народностью.

Такъ могъ бы сказать русскій славянофилъ, знавшій край сорокъ лѣтъ назадъ и взглянувшій на его нынѣшній внѣшній видъ. Но еслибы тотъ-же наблюдатель могъ бы заглянуть поглубже, не останавливаясь на поверхности явленій, онъ долженъ былъ бы съ грустью убѣдится, что рознь, отдѣлявшая край съ внѣшней стороны, проникла внутрь, въ сердца жителей. Онъ не безъ сожалѣнія почувствовалъ бы, что не только юное поколѣніе, воспитанное въ ненавистной обрусѣвшей школѣ, относится съ нелюбовью ко всему русскому, но что и на многихъ изъ посѣдѣвшихъ на русской службѣ балтовъ, искренно полюбившихъ русскаго человѣка за его племенныя душевныя качества, что даже на многихъ изъ такихъ обрусѣвшихъ—было внутренно остзейцевъ, насильственное обрусѣніе ихъ родины произвело охлаждающее вліяніе, оттолкнуло ихъ отъ русской жизни.

Я наблюдалъ это печальное явленіе на многихъ близкихъ мнѣ лицахъ и глубоко сожалѣю о немъ; но я его понимаю, потому что и во мнѣ иногда мощно всплываетъ чувство злобы и негодованія, когда я, возвращаясь на родину, вижу сколько здоровыхъ силъ, сколько жизнеспособныхъ началъ было загублено, задушено холоднымъ, безплоднымъ принципомъ государственнаго единообразія! Я въ состояніи побороть эти чувства потому, что знаю, что большинство сторонниковъ руссификаціи искренно убѣждено въ правотѣ своего дѣла, и за ошибочные взгляды можно сожалѣть, но нельзя ненавидѣть. Однако немало и такихъ русскихъ дѣятелей, которые, познакомившись ближе съ условіями въ краѣ, сознаютъ вредъ руссификаціи, но поддерживаютъ ее изъ личныхъ видовъ. Про нихъ нельзя сказать: не вѣдаютъ, что творятъ.

Если по моему мнѣнію доброжелательный и разум-

ный русскій, вглядываясь ближе въ дѣло, не имѣетъ основанія быть довольнымъ нравственными результатами руссификаціи по отношенію къ балтійскимъ нѣмцамъ, то не менѣе отрицательны, съ точки зрѣнія русской національности, плоды этой политики и по отношенію къ латышамъ и эстамъ.

Въ прежнее время эти народности стояли вездѣ лицомъ къ лицу съ нѣмцами, и въ видѣ хозяевъ—работодателей, и въ видѣ властей административныхъ и судебныхъ, и въ видѣ учителей и духовниковъ. Вездѣ нѣмецъ занималъ высшее властное положеніе; даже еслибы и предположить невѣроятное, что нѣмцы никогда не злоупотребляли превосходствомъ своего положенія, то и тогда было бы понятно извѣстное озлобленіе со стороны національности нѣкогда порабощенной, озлобленіе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ самосознаніе въ немъ становилось болѣе развитымъ, по мѣрѣ поднятія его экономическаго и культурнаго уровня.

Въ русскихъ же латышъ или эстъ усматривалъ въ прежнее время государственное племя, носителя той идеи верховной власти, отъ которой зависѣло устранить господство нѣмцевъ. Съ упованіемъ они могли взирать на «свѣтъ съ востока»; только при его помощи могло слабое племя надѣяться сбросить тяготѣвшее на немъ нравственное иго.

Когда же «свѣтъ съ востока» появился въ видѣ русскихъ чиновниковъ и русской народной школы, да въ видѣ судей, хотя и справедливыхъ, но не знающихъ мѣстнаго языка, то отъ этого уваженіе и привязанность туземцевъ ко всему русскому не могли вырости; и не выросли, а напротивъ.

И такъ, съ точки зрѣнія русскаго славянофила, результатъ политики послѣднихъ десятилѣтій можетъ

доставить нѣкоторое удовлетвореніе его чувству ненависти къ нѣмцамъ. Самолюбіе члена господствующаго въ государствѣ племени также страдаетъ менѣе, нежели прежде, потому что внѣшніе признаки господства вездѣ видны и несомнѣнны. Но человѣкъ не довольствующійся одними отрицательными или внѣшними результатами, желающій видѣть свою народность уважаемой и любимой, не найдетъ повода къ одобренію.

Необходимость реформъ.

Обращаюсь къ третьему изъ перечисленныхъ мною оправданій руссификаціи: предполагаемая необходимость замѣнить отжившія, якобы, средневѣковыя формы общественности болѣе совершенными, болѣе справедливыми и гуманными.

Всякая аргументація этого порядка обыкновенно исходитъ изъ совершенно ложнаго представленія, будто-бы необходимое обновленіе гражданственности въ краѣ должно было начаться съ ломки и полнаго устраненія всего стараго.

Большинство образованныхъ русскихъ искренно вѣритъ, что «бароны», это какая-то тѣсно сплоченная шайка людей засѣвшихъ паразитами на общественномъ тѣлѣ порабощеннаго ихъ предками края, которые во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ побуждаются лишь узкимъ, черствымъ эгоизмомъ и властолюбіемъ и что всякая попытка произвести реформы въ краѣ при ихъ содѣйствіи, неминуемо искажалась ихъ дружными, явными и тайными, усиліями.

Представленіе это въ корнѣ ошибочно. Среди балтійскихъ бароновъ, причастныхъ къ умственному и

культурному движенію Европы, есть и всегда были и либералы и консерваторы. Можно однако добавить, что и тѣ и другіе не принадлежатъ къ крайнимъ видамъ своего рода: среди балтовъ нѣтъ того типа отсталаго и непроизводительнаго консерватизма, который въ Германіи обозначается словомъ «юнкерство», и нѣтъ также радикальнаго либерализма столь распространеннаго въ Западной Европѣ. Это потому, что многовѣковая мѣстная политическая дѣятельность и личное занятіе сельскимъ хозяйствомъ изъ поколѣнья въ поколѣнье, развили въ нихъ и наслѣдственно укрѣпили извѣстный политическій глазомѣръ, который наукою не пріобрѣтается. Я много странствовалъ на своемъ вѣку и у меня близкіе друзья и родные есть въ Германіи, Англіи и Швейцаріи, такъ что я эти страны знаю не только какъ туристъ; по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ я нахожу у моихъ земляковъ—балтіискихъ бароновъ больше схожаго съ англійскимъ country-squire, чѣмъ напримѣръ съ мекленбургскими помѣщиками.

Къ упомянутымъ свойствамъ надо еще прибавить чрезвычайно развитое чувство мѣстнаго патріотизма. Это составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся особенностей всякаго остзейца и иногда доходитъ до смѣшного; не говоря о томъ, что между нами чувствуется и сознается различіе въ характерѣ дворянъ эстляндцевъ, лифляндцевъ и курляндцевъ, но мы различаемъ даже между уроженцами различныхъ уѣздовъ той же губерніи. Это зависитъ частью отъ различія историческаго прошлаго (шведское владычество на сѣверѣ, польское на югѣ), частью отъ различія мѣстности. Конечно, для посторонняго наблюдателя эти различія скрываются выдающимися общими чертами.

Подобно упомянутому различію между нѣмцами—уроженцами разныхъ губерній, сознается и обособленность сословная. Въ мое дѣтство сословная замкнутость семейной жизни была почти безусловная; это ярче всего высказывалось въ крайне рѣдкихъ случаяхъ браковъ, заключенныхъ между дворянами и бюргерами. Теперь это въ значительной степени сгладилось и сближеніе всѣхъ остзейцевъ нѣмецкой національности сдѣлало разительные успѣхи. Помимо общихъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи во всей Европѣ, громадное вліяніе въ этомъ отношеніи оказала руссификація. До нея горожане и лица свободныхъ профессій (въ прибалтійскомъ краѣ они называются «Literaten») смотрѣли недружелюбно на дворянство, пользовавшееся такими крупными преимуществами и нерѣдко проявлявшее гордость и оскорбительное высокомѣріе. Но общая опасность сблизила разнородные элементы; къ тому же горожане могли убѣдиться на дѣлѣ, что дворянство, въ своей борьбѣ за историческое право и за сохраненіе культурной преемственности, заботилось не только о своихъ узкихъ сословныхъ интересахъ, которыми готово было попуститься, лишь бы не прерывать связи съ прошлымъ. Коренная перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ бароновъ и бюргеровъ высказалась, м. проч., въ томъ поразительномъ фактѣ, что при введеніи въ прибалтійскомъ краѣ русскаго всесословнаго городового положенія (въ 1879 г.), во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ, не исключая даже гордой Риги, въ городскіе головы были выбраны дворяне *). Этимъ выразилось довѣріе большинства избирателей-горо-

*) Въ Ригѣ бывшій предводитель дворянства А. фонъ-Эттингенъ, въ Дерптѣ бывшій ректоръ Г. фонъ-Эттингенъ, въ Ревелѣ бар. А. Икскуль, въ Митавѣ бар. Ганъ.

жонъ ихъ согражданамъ-дворянамъ, а также и ихъ убѣжденіе, что въ средѣ этого сословія встрѣтится больше политическаго умѣнья для устраненія тѣхъ опасностей, коими стала полна политическая жизнь края. При послѣдующихъ выборахъ, когда уже дѣло было такъ сказать налажено, избирались, смотря по наличности подходящихъ кандидатовъ, какъ дворяне-домовладѣльцы, такъ и горожане. Въ послѣдніе годы избирательный цензъ и распредѣленіе избирательныхъ участковъ такъ искусно измѣнены русскими властями, что почти во всѣхъ городахъ органы самоуправленія перешли въ руки латышей или эстовъ. Всякій безпристрастный человѣкъ пойметъ, что такое искусственное устраненіе самой состоятельной и образованной части городского населенія въ пользу многочисленныхъ владѣльцевъ деревянныхъ лачугъ въ городскихъ предмѣстьяхъ не вызвано было соображеніями общественной пользы. И здѣсь слѣпое, исключительное желаніе сломить нѣмцевъ, въ связи съ самымъ нелѣпымъ демократизмомъ (подобострастнымъ поклоненіемъ численности) побудило къ нарушенію здоровыхъ началъ самоуправленія, требующихъ, чтобы вліяніе на мѣстныя дѣла соразмѣрялось съ важностью представляемыхъ интересовъ.

Вездѣ, во всѣхъ распоряженіяхъ русскихъ властей за послѣднія десятилѣтія, была одна руководящая мысль: устранить вліяніе нѣмцевъ. Вслѣдствіе этого всѣ нововведенія этой эры, частью сами по себѣ полезныя, носили характеръ отрицательный и были лишены той плодотворной жизненности, которая присуща органическому развитію сущаго. Для развитія мѣстныхъ учрежденій въ духѣ современныхъ взглядовъ и съ цѣлью огражденія интересовъ и расширенія правъ низшихъ классовъ населенія, можно было найти

умѣлыхъ, преданныхъ, просвѣщенныхъ сотрудниковъ среди образованныхъ уроженцевъ балтики, вмѣсто того, чтобы поставить въ основу всѣхъ реформъ ихъ принципіальное устраненіе.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, сколько полезныхъ реформъ было предпринято за сравнительно короткій періодъ съ 1849-го по 1865-й годъ, въ бытность генералъ-губернаторами людей, поддерживавшихъ мѣстныхъ дѣятелей стоявшихъ за своевременныя реформы, но безъ ломки установившагося строя.

И эти реформы были совершены несмотря на сильное, настойчивое сопротивленіе нѣкоторыхъ министровъ и другихъ вліятельныхъ особъ въ Петербургѣ. Каждую мѣру, укрѣплявшую мѣстный строй, оживляя его, приходилось отвоевывать съ величайшими затрудненіями и достигался успѣхъ только благодаря личному вмѣшательству государя.

Аграрный вопросъ.

Важнѣе всѣхъ остальныхъ реформъ было урегулированіе аграрнаго вопроса, этого краеугольнаго камня всякаго общественнаго строя.

Здѣсь я касаюсь вопроса, по которому ложныя представленія наиболѣе прочно установились въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Безземеліе крестьянъ, эксплоатація батраковъ, плантаторы-бароны, вотъ формула исчерпывающая для многихъ русскихъ весь этотъ сложный и важный вопросъ. Съ другой стороны большинство нѣмецкихъ балтовъ убѣждено, что аграрный вопросъ рѣшенъ на ихъ родинѣ замѣчательно мудро, представляя несомнѣнно бо́льшія выгоды для

всего земледѣльческаго сословія, нежели рѣшеніе земельнаго вопроса въ коренной Россіи. Но какъ убѣдиться въ этомъ? Опытъ показываетъ, что самыя краснорѣчивыя, подавляющія цифровыя статистическія доказательства никогда не разувѣрятъ того, кто считаетъ вопросъ рѣшенымъ; но есть другой, болѣе убѣдительный способъ: прямое наблюденіе. Спрашивается, отрицаетъ ли кто либо, бывавшій въ остзейскомъ краѣ, что тамъ, съ той же земельной площади, производится несравненно болѣе земледѣльческихъ цѣнностей, чѣмъ въ чисто русскихъ областяхъ съ одинаковыми и даже болѣе благопріятными условіями климата и почвы? Подлежитъ-ли сомнѣнію, что отъ этого избытка производительности получаетъ выгоду не одинъ землевладѣлецъ, но и все населеніе, связанное съ земледѣліемъ, и государство Это очевидно само по себѣ, но кромѣ того подтверждается и общеизвѣстными фактами: зажиточность крестьянъ-собственниковъ и фермеровъ (арендаторовъ непроданныхъ крестьянскихъ участковъ); экономическая обезпеченность такъ называемыхъ батраковъ, т. е. постоянныхъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ, которые въ среднемъ получаютъ болѣе 200 р. деньгами и сельско-хозяйственными продуктами и хорошее помѣщеніе (на многихъ мызахъ дома для сельскихъ рабочихъ образцовые, съ участкомъ для огорода и съ правомъ выгона для скотины). Быстрое развитіе фабричной промышленности въ краѣ за послѣдніе годы произвело такой отливъ молодыхъ силъ въ города, привлекающихъ, какъ извѣстно, не однимъ только заработкомъ, но и своими развлеченіями, что остзейскіе помѣщики принуждены были, въ собственномъ интересѣ, обратить особое вниманіе на удобства и возможную привлекательность жилищъ, чтобы хотя этимъ

удержать контингентъ постоянныхъ рабочихъ, необходимый для веденія правильнаго хозяйства.

Сельско-хозяйственная обрабатывающая промышленность (винокуренные, крахмальные и т. п. заводы, выдѣлка масла, сыра и т. д.), сильно распространенная въ краѣ (особенно въ сѣверной, менѣе плодородной части), доставляетъ близкій и удобный сбытъ продуктовъ сосѣднимъ крестьянамъ-собственникамъ и арендаторамъ, а зимою, въ связи съ раціональнымъ лѣснымъ хозяйствомъ, даетъ постоянный и правильный заработокъ на подводахъ.

Всякій, сколько-нибудь знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ понимаетъ, что хорошее состояніе крупнаго хозяйства неизбѣжно отражается и на благосостояніи всего сосѣдняго населенія. Да къ тому-же *чистая* прибыль съ правильно веденнаго интенсивнаго хозяйства, остающаяся въ карманѣ землевладѣльца, составляетъ лишь малую часть валового дохода, т. е. того количества цѣнностей, которыя добываются съ имѣнія. И добываются онѣ не однимъ физическимъ трудомъ рабочихъ, но зависятъ въ значительной степени отъ знаній, капитала, кредита и личнаго труда владѣльца или его повѣренныхъ. Для Эстляндіи и сѣверной Лифляндіи можно считать нормой, что чистый доходъ составляетъ, въ среднемъ за нѣсколько лѣтъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, отъ $^1/_3$ до $^1/_8$ валового дохода. Остальныя $^2/_3$ или $^7/_8$ идутъ на содержаніе личнаго состава и на покупку сырья для обработывающей промышленности, покупаемаго почти всецѣло у сосѣднихъ крестьянъ. Но вѣдь и чистый доходъ идетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ весь въ пользу помѣщика. Бо́льшая часть имѣній заложена въ мѣстныхъ дворянскихъ земельныхъ учрежденіяхъ, закладные листы которыхъ, пользуясь со времени

ихъ учрежденія (въ 1802 году) вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ населенія служатъ главною процентною бумагою, въ которой помѣщаютъ свои сбереженія мелкіе капиталисты, въ томъ числѣ и крестьяне, владѣющіе многими милліонами этихъ закладныхъ листовъ.

Общая сумма ипотечныхъ долговъ помѣщиковъ въ дворянскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ составляетъ въ Лифляндіи 18 милл. руб., въ Эстяндіи же 11 милл. рублей *). Можно смѣло сказать, что вся эта сумма занятая помѣщиками подъ обезпеченіе ихъ имѣній, пошла не на удовольствія и прожиганіе капитала, а на цѣлесообразныя улучшенія хозяйства, сдѣлавшаго за послѣднее полустолѣтіе громадные успѣхи. Главныя изъ этихъ улучшеній состоятъ: во всеобщемъ введеніи (въ половинѣ прошлаго столѣтія) раціональнаго сѣвооборота, какъ на помѣщичьихъ, такъ и на крестьянскихъ поляхъ; въ уничтоженіи черезполосицы и округленіи крестьянскихъ хозяйствъ; въ улучшеніи породъ скота и коней у помѣщиковъ и у крестьянъ; въ введеніи улучшенныхъ способовъ обработки полей; въ осушеніи громадныхъ болотныхъ пространствъ; въ правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ; въ устройствѣ коллективныхъ маслобоенъ и сыроварень и въ введеніи другихъ усовершенствованныхъ видовъ обработывающей сельско-хозяйственной промышленности; въ учрежденіи и поддержкѣ множества крестьянскихъ сельско - хозяйственныхъ обществъ.

Все это достигнуто упорнымъ личнымъ трудомъ помѣщиковъ, ихъ соревнованіемъ и взаимной поддержкой сплоченнаго сословія, тѣсно связаннаго съ землей, любящаго ее, заботящагося о ней. Кто мо-

*) Касательно Курляндской губерніи у меня данныхъ подъ рукой нѣтъ.

жетъ отвергать рѣшающее значеніе балтійскаго дворянства въ дѣлѣ замѣчательнаго преуспѣянія въ остзейскомъ краѣ сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ? Конечно, не будь трудолюбія и даровитости рабочаго населенія, никакія указанія не привели бы къ хорошимъ результатамъ. Но вѣдь въ смежныхъ областяхъ, гдѣ сельское населеніе не менѣе даровито, но руководительство было иное, никакого успѣха не вышло; напротивъ — голь, нищета, невѣжество. Слѣдовательно, помѣщики-нѣмцы своимъ преобладающимъ вліяніемъ воспользовались не въ ущербъ низшимъ классамъ, но, напротивъ, принесли имъ пользу. Мнѣ скажутъ, что они достигли этого успѣха не ради любви къ ближнимъ, а по эгоистическимъ побужденіямъ, желая увеличить свои доходы и цѣнность своихъ земель. Безспорно, большинство цѣлесообразныхъ мѣръ и упорная работа, положенная помѣщиками въ дѣло благоустройства земли, исходили изъ правильнаго расчета и изъ заботы о собственной выгодѣ; но увеличивая собственный достатокъ, они обезпечили и экономическое процвѣтаніе рабочаго класса, который не достигъ бы его, будучи предоставленъ самому себѣ; умѣнье приноравливаться къ измѣняющимся требованіямъ отечественнаго и всемірнаго рынка, способность слѣдить за успѣхами науки и техники и сознательно примѣнять ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, наконецъ громадный кредитъ, которымъ всегда пользовалось дворянство, давало ему возможность переносить неурожайные годы безъ ущерба для хозяйства и многочисленнаго населенія съ нимъ связаннаго.

Всѣ эти обстоятельства могутъ служить новымъ доказательствомъ старой истины: что разумныя экономическія начала выгодны для всѣхъ причастныхъ

сторонъ, увеличивая, благодаря правильному распредѣленію силъ, общую производительность. Въ этомъ и должна заключаться цѣль всякой разумной хозяйственной политики вообще и земледѣльческой въ частности, а не въ преслѣдованіи утопическаго требованія, чтобы всѣ земледѣльцы были бы и землевладѣльцами. Осуществимо это только при садовомъ хозяйствѣ, доведенномъ до высокаго техническаго совершенства въ Китаѣ, а до этого еще въ Россіи очень далеко, и достигается это не вдругъ, а вѣками.

Личныя впечатлѣнія по родовому имѣнію.

Позволю себѣ и эту сторону разсматриваемаго вопроса освѣтить личными воспоминаніями.

На моей памяти, частью на моихъ глазахъ, произошла коренная перемѣна въ положеніи сельскаго населенія. Когда отецъ мой, оставивъ въ 1848 году службу, принялся за хозяйство въ имѣніи, у насъ существовала еще барщина, т. е. крестьяне-хозяева должны были, за пользованіе своими земельными участками, отбывать опредѣленное число пѣшихъ и конныхъ дней на мызномъ хозяйствѣ. По мѣстному, мудрому закону наименьшая площадь угодій крестьянскаго участка (Gesinde) была нормирована (3 дес. пашни и соотвѣтственная площадь сѣнокоса и выгона), а большинство крестьянскихъ хозяйствъ имѣли отъ 20 до 40 дес. удобной земли. Хозяева дворовъ средней и крупной величины, т. е. около $^3/_4$ общаго ихъ числа, не шли сами на мызную работу, имѣя достаточно дѣла по своему хозяйству, а держали особыхъ работниковъ для отбыванія барщины. Раціо-

нальный сѣвооборотъ былъ только что введенъ у насъ въ мызной экономіи и отецъ хотѣлъ побудить къ тому и своихъ крестьянъ-фермеровъ, но это стоило большихъ трудовъ и настойчивости; не менѣе затрудненій встрѣчала замѣна курныхъ избъ домами съ хорошими печами, дымовыми трубами и свѣтлою горницею. Въ нашемъ лѣсномъ захолустьѣ эти нововведенія туго принимались и помню какъ мы, дѣти, наслышавшись объ этихъ мѣстныхъ злобахъ дня, гордились каждымъ новымъ крестьянскимъ домомъ новаго образца.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ бытность мою въ Дерптѣ, я все свободное отъ занятій время проводилъ въ деревнѣ, гдѣ тогда хозяйничалъ старшій братъ (отецъ въ 1854 г. вновь поступилъ на службу). Съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ я за тѣмъ кореннымъ преобразованіемъ, которому подвергалась въ эти годы вся система хозяйства. Постановленіями ландтага конца 50-хъ годовъ было рѣшено постепенно перейти отъ барщины къ денежной арендѣ крестьянскихъ участковъ, какъ подготовительному шагу для ихъ продажи крестьянамъ.

Барщина, на которой было основано хозяйство въ продолженіе вѣковъ, имѣла при низкомъ уровнѣ земледѣлія свои удобства сравнительно съ денежной арендой, въ томъ отношеніи, что избавляла крестьянъ отъ заботъ о добываніи наличныхъ денегъ, а помѣщику обезпечивало нужный трудъ. Но при такомъ веденіи хозяйства невозможно его усовершенствованіе; кромѣ того барщина, какъ остатокъ крѣпостнаго права, мыслима только при дисциплинарной власти помѣщика надъ крестьяниномъ. Иначе такой трудъ работника, лично не заинтересованнаго въ успѣхѣ работы и за нее неотвѣтственнаго, слишкомъ низкаго, непроизводительнаго качества. Несмотря на это пере-

ходъ къ денежной арендѣ совершился медленно, частью по косности крестьянъ, не охотно принимающихъ непривычныя обязательства, частью потому, что не всѣ помѣщики обладали достаточнымъ капиталомъ, да и необходимою энергіей. Въ Лифляндіи переходъ завершился къ 1860-му году, въ Эстляндіи къ 1868-му году, но большинство помѣщиковъ принялось за это дѣло уже съ конца 50-хъ годовъ. Эта реформа требовала полнаго преобразованія какъ мызнаго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Въ мызныхъ экономіяхъ необходимо было завестись инвентаремъ (при барщинѣ его не требовалось); надо было построить дома для постоянныхъ рабочихъ, конюшни для лошадей и воловъ, сараи для земледѣльческихъ орудій и т. д. Крестьянскіе же участки, по мѣрѣ перехода на многопольное, болѣе интенсивное хозяйство, надо было такъ размежевать, чтобы уничтожить черезполосицу. Эта громадная работа (извѣстная въ остзейскомъ краѣ подъ названіемъ «Streulegen») поглотила со стороны помѣщиковъ милліонныя затраты денегъ и громадную сумму личнаго труда и проводилась при постоянной борьбѣ съ вѣковыми обычаями, съ подозрительностью и съ личными привычками крестьянъ; но она составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ остзейскихъ помѣщиковъ. Это размежеваніе, создавшее изъ каждаго крестьянскаго участка самостоятельную хозяйственную единицу, съ правильнымъ соотношеніемъ угодій расположенныхъ вблизи двора, положило основу процвѣтанію крестьянскаго земледѣлія и обезпечиваетъ и въ будущемъ возможность его дальнѣйшаго улучшенія. Къ счастью для края въ эту эпоху правительство не мѣшало проведенію этой коренной реформы, а напротивъ, содѣйствовала ей, хотя она и имѣла въ виду только пользу земле-

дѣлія въ краѣ, а не сравненіе съ остальною Россіей. Въ имѣніи у брата было около 100 такихъ крестьянскихъ дворовъ, расположенныхъ въ 6 деревняхъ; землемѣры работали безпрестанно; уговаривать приходилось каждаго крестьянина въ отдѣльности, непріятностей было масса, но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣло было сдѣлано и быстро обнаружились благодѣтельныя послѣдствія на внѣшнемъ видѣ полей и дворовъ. Одновременно приходилось преобразовать и мызную экономію. Такъ какъ дешевый трудъ барщины былъ замѣненъ болѣе дорогимъ трудомъ постоянныхъ рабочихъ, то необходимо было заботиться о сбереженіи времени и о болѣе интенсивной обработкѣ полей. Для примѣненія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, надобно было между прочимъ очистить поля отъ камней-валуновъ, которыми у насъ они были покрыты въ изобиліи. Помню, я какъ то расчиталъ, что за очистку однаго поля, гдѣ въ ледниковый періодъ вѣроятно проходила боковая морена, брату пришлось издержать сумму равную средней стоимости того же числа десятинъ, и несмотря на кажущуюся нерасчетливость этой чистки, все таки было разумно предпринять ее, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Нѣкоторые сосѣди, испугавшись расхода, откладывали эту работу изъ года въ годъ и, наконецъ, всетаки вынуждены были ее сдѣлать, но уже при трудѣ значительно вздорожавшемъ. Отдаленные сѣнокосы плохаго качества пришлось замѣнить искусственными заливными лугами, проведя рѣчку по отводному каналу въ нѣсколько верстъ длины. Часть болотъ была осушена крупною канализаціей предпринятой совмѣстно съ сосѣдями. Введеніе акциза вызвало сооруженіе крупнаго, новѣйшей системы винокуреннаго завода, и т. д.

Все это потребовало сотни тысячъ рублей, занятыхъ при посредствѣ мѣстной дворянской кредитной кассы; затраты были необходимы и производительны и увеличили цѣнность и доходность имѣнія, однако выгодали отъ этого и крестьяне и тѣ мелкіе капиталисты, помѣстившіе свои сбереженія въ закладныхъ листахъ. Часть крестьянскихъ участковъ теперь уже продана, часть и по нынѣ въ арендѣ, но и тѣ и другіе совершенно измѣнили свой видъ: поля воздѣланы не хуже мызныхъ, дома собственниковъ окружены садами, земледѣльческія орудія современнаго образца, лошади и скотъ улучшенной породы. Жилища постоянныхъ рабочихъ (безземельныхъ батраковъ, о которыхъ такъ слезно горюютъ люди ихъ не видавшіе), по двѣ семьи въ одномъ домѣ раздѣленномъ на двѣ удобныя, свѣтлыя, чистыя квартиры, съ садикомъ, огородомъ и хлѣвомъ. Это въ нашей лѣсной глуши. Если же ѣхать въ болѣе плодородныя, южныя части края и посмотрѣть напримѣръ, какъ живутъ латышскіе крестьяне, то не трудно убѣдиться, что такой высокій standart of life есть признакъ основательнаго благосостоянія. Разстроить его однако не трудно. Стоитъ только осуществить идею, чтобы каждый земледѣлецъ былъ и землевладѣльцемъ Простой ариѳметическій счетъ (дѣленіе площади угодій на численность сельскаго населенія) показываетъ, что для этого надо разбить на мелкіе клочки не только мызныя поля, но и крестьянскія; однако этого не достаточно, такъ какъ требуется и инвентарь и скотъ, и строенія, жилыя и хозяйственныя. Въ Курляндіи нѣсколько казенныхъ имѣній мудрыми чиновниками уже превращены въ разсадники земледѣльческой нищеты, какъ будто этого добра въ остальной Россіи мало. Если это удастся

провести въ широкихъ размѣрахъ, то и благосостояніе всего края, нынѣ наиболѣе цвѣтущаго въ сѣверной части Имперіи, за послѣднее полустолѣтіе не видавшаго ни голодовокъ, ни недоимокъ, упадетъ неминуемо.

Культурный вопросъ.

Отрицать сравнительное экономическое благосостояніе земледѣльческаго населенія остзейскаго края нельзя, въ виду явныхъ фактовъ. Иное дѣло съ насажденіемъ культуры въ инородческомъ населеніи. Хотя и здѣсь нѣкоторые факты краснорѣчиво заявляютъ о томъ, что прежнее владычество нѣмцевъ было ими использовано также и въ этомъ отношеніи, но за то другіе факты изъ современной жизни какъ будто противорѣчатъ такому выводу. Признаками культуры можетъ служить почти всеобщая грамотность *); существованіе многихъ сотенъ крестьянскихъ обществъ съ культурными цѣлями: литературныхъ, музыкальныхъ, сельско-хозяйственныхъ, добровольныхъ пожарныхъ командъ и т. п.; большое число газетъ и журналовъ выписываемыхъ сельскимъ населеніемъ; большое число лицъ съ высшимъ образованіемъ: пасторовъ, юристовъ, врачей, учителей и т. д., вышедшихъ изъ сельской среды. Обратными явленіями можетъ служить прежде всего глубокая ненависть къ нѣмцамъ, проявившаяся такъ ярко и яростно въ переживаемой нами революціи.

---

*) Число неграмотныхъ новобранцевъ изъ прибалтійскихъ губерній нѣсколько увеличилось со времени руссификаціи народной школы, но все же оно несравненно меньше, чѣмъ въ любой изъ чисто русскихъ губерній (0,3%).

крайне трудный вопросъ изъ области коллек-
психологіи, потому что въ частности каждый
или эстъ относится къ лично-знакомому ему
раждебно или дружелюбно, смотря по лицу и ихъ
мъ отношеніямъ. Примѣры самоотверженной
ости проявленной во время революціонныхъ
зъ со стороны наиболѣе близкихъ къ помѣ-
лицъ, напримѣръ домашней прислуги и мыз-
абочихъ, многочисленны; это не мѣшаетъ
самымъ вѣрнымъ слугамъ ненавидѣть нѣм-
обще. Чувство не логика. Постараюсь изло-
зъ прикрасъ мой личный взглядъ на это
явленіе, опредѣляющее въ значительной
льнѣйшій ходъ мѣстной жизни.

ма вѣроятно, что значительная часть ненави-
вана суровымъ, высокомѣрнымъ обращеніемъ
предковъ съ порабощенными ими иноплемен-
туманныя къ нимъ отношенія, бывшія общимъ
мъ за послѣднія два, три поколѣнія, не за-
преданій старины; да и въ новѣйшее время
между высшею и низшею расою еще не
изгладилась и часто выражалась въ формахъ,
вшихся изъ прежнихъ, патріархальныхъ отно-
оскорблявшихъ болѣе развитое чувство соб-
о достоинства молодыхъ поколѣній. Полагаю,
надѣянное, мужественное племя, властвовав-
лько столѣтій, не сознало во время нравствен-
ченія внѣшнихъ пріемовъ обращенія и можетъ
рѣдко помѣщикъ - нѣмецъ оскорблялъ, самъ
подозрѣвая, своимъ тономъ и жестами чело-
то самое время, когда онъ оказывалъ ему
полагалъ, что заслуживаетъ его признатель-
амъ, стоящимъ на высшихъ ступеняхъ соці-
мѣстницы, крайне трудно судить о томъ впеча-

тлѣніи, которое наши слова и дѣйствія производятъ на лицъ ниже стоящихъ.

Чѣмъ быстрѣе росло матеріальное благосостояніе сельскаго населенія, чѣмъ глубже въ него проникало просвѣщеніе, чѣмъ больше членовъ его сравнялись по своему образованію съ ихъ прежними господами, тѣмъ болѣе ощущался всякій признакъ прежняго племеннаго неравенства. Не отвергая, по этому, ни наслѣдія недружелюбныхъ чувствъ за давнишнее прошлое, ни безсознательныхъ ошибокъ и сознательныхъ грѣховъ въ настоящемъ, я тѣмъ не менѣе глубоко увѣренъ, что никогда ненависть къ намъ иноплеменныхъ согражданъ не достигла бы такой, поражающей степени, еслибы не была систематически вызываема и разжигаема націоналистическою и соціалистическою пропагандою. Впродолженіе десятилѣтій твердилось малообразованному народу, что люди живущіе среди нихъ и пользующіеся бо́льшимъ достаткомъ и вообще болѣе благопріятными условіями жизни, что эти люди наслѣдники разбойниковъ ворвавшихся въ ихъ родину и поработившихъ мирныхъ обитателей, ихъ собственныхъ предковъ. Указывалось на несправедливое распредѣленіе божьяго дара—земли; напоминалось, что стоило бы выгнать горсть пришельцевъ въ ихъ первоначальную родину, и раздать освободившіяся при этомъ земли кореннымъ ея жителямъ, и была бы устранена всякая бѣдность, не пришлось бы далѣе преклоняться и унижаться передъ чужестранцами, а сами латыши и эсты стали бы господами и полновластными хозяевами своей родины. Эта проповѣдь историческаго развитія въ обратномъ порядкѣ (au rebourd) казалась малоразвитымъ людямъ не только заманчивой, но и *осуществимой*. Въ этомъ послѣднемъ, самомъ опасномъ заблужденіи поддерживали ихъ и представители рус-

ской власти, допуская, напримѣръ, въ латышскихъ и эстонскихъ народныхъ изданіяхъ статьи прямо и недвусмысленно проводившія вышеизложенныя ученія. И это дѣлалось во время строжайшаго цензурнаго режима, и уже съ начала 80-хъ годовъ. Въ изданной мною (подъ иниціалами Б. М.) въ 1883-мъ году брошюрѣ «Нашъ остзейскій вопросъ» я привелъ цѣлый рядъ выписокъ изъ статей дозволенныхъ цензурою въ газетахъ и календаряхъ на эстонскомъ языкѣ *). Моя брошюра, напечатанная въ Германіи, была запрещена въ Россіи; я просилъ въ цензурномъ комитетѣ указать мнѣ, какія именно мѣста брошюры вызвали запрещеніе? Оказалось, что это были мои цитаты изъ изданій дозволенныхъ цензурою для народнаго чтенія!

Приведенный цензурный курьезъ есть только одинъ изъ признаковъ общаго настроенія русскихъ властей въ краѣ, полагавшихъ, что сѣя вражду они усиливаютъ вліяніе государства. Туземное же населеніе не могло не вынести впечатлѣнія, что мысль объ изгнаніи нѣмцевъ встрѣтитъ сочувствіе и поддержку со стороны «друзей съ востока».

Нельзя ставить въ вину крестьянамъ и фабричнымъ рабочимъ, если они не понимаютъ, что послѣ семисотлѣтняго пребыванія въ краѣ нѣмецкая часть населенія имѣетъ такое же право считать его своей родной, какъ и эсты, изгнавшіе нѣсколькими столѣтіями ранѣе германское племя, жившее тамъ еще въ началѣ желѣзнаго вѣка (какъ это доказано археологіей); имъ простительно вѣрить въ возможность об-

*) Я латышскаго языка не знаю; потому ограничился эстонскими изданіями, но латышская печать и тогда была развязнѣе и озлобленнѣе эстонской.

ратнаго переселенія народовъ, которая внушалась имъ фанатичными проповѣдниками, изъ которыхъ нѣкоторые искренне вѣрили въ эту ребяческую мечту, другіе же пользовались ею какъ демагогическимъ пріемомъ. Но можно удивляться близорукости русскихъ государственныхъ мужей, не понимавшихъ всей опасности разжиганія народныхъ страстей и вожделеній, осуществимыхъ не иначе, какъ при устраненіи основъ современной государственности.

Впрочемъ погромы русскихъ помѣщичьихъ усадебъ показали всѣмъ желающимъ видѣть, до какого ослѣпленія и озвѣренія можетъ быть доведена невѣжественная толпа усердной пропагандой, даже и тамъ, гдѣ различіе имущественное не совпадаетъ съ различіемъ племеннымъ.

Видѣнное мною въ чужихъ краяхъ и многіе историческіе примѣры поддерживаютъ однако во мнѣ лично увѣренность, что и эта односторонняя ненависть, основанная частью на идейной фикціи, частью на преданіяхъ, и не имѣющей реальной пищи въ настоящемъ, что эта ненависть можетъ пройти въ одно, два десятилѣтія, но при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы государственною властью была обезпечена нормальная, т. е. закономѣрная жизнь. Такія массовыя (не личныя) чувства и требованія получаютъ полное развитіе и повальное распространеніе только тогда, когда есть *надежда на ихъ осуществленіе*. Никогда ни эстонская ни латышская народность не расчитывали бы на изгнаніе нѣмцевъ и на сверженіе ихъ «ига» (основаннаго теперь только на преимуществѣ въ достаткѣ и въ образованности), еслибы они не надѣялись на поддержку со стороны русскихъ; прежде они расчитывали на помощь русской власти, теперь на побѣду русской соціальной революціи.

Какъ только снова установится въ Россіи прочная власть, признающая неприкосновенность наслѣдственной собственности и государственное значеніе образовательнаго ценза, то исчезнетъ всякій лучъ надежды на изгнаніе нѣмцевъ и на устраненіе ихъ вліянія. А какъ только эта истина укрѣпится въ сознаніи народной массы, то она снова вернется къ мирной плодотворной работѣ, къ индивидуальнымъ усиліямъ подняться выше общаго уровня и къ совмѣстнымъ стремлѐніямъ поднять благосостояніе и культуру своего племени мирнымъ, настойчивымъ трудомъ, а не грабежомъ и насиліемъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго нѣмецкая часть населенія всегда была и будетъ принципіальной поддержкой закономѣрной власти, хотя бы она въ частности съ нею и боролась.

Заключеніе.

Чего мы желаемъ? Среди остзейскихъ нѣмцевъ можно, конечно, встрѣтить весьма различные взгляды на то, какъ слѣдовало-бы устроить дальнѣйшую судьбу прибалтійскаго края, но есть однако цѣлый рядъ коренныхъ вопросовъ, относительно коихъ разногласія среди насъ, кажется, нѣтъ. Я полагаю, что мои земляки единогласны въ слѣдующихъ желаніяхъ:

Признаніе свободы вѣроисповѣданій.

Признаніе нѣмецкаго языка однимъ изъ мѣстныхъ языковъ.

Право преподаванія въ общественныхъ школахъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Сохраненіе права собственности.

Признаніе того принципа, что существующее исто-

рическое право не должно быть нарушаемо безъ дѣйствительной къ тому необходимости.

Организація мѣстнаго самоуправленія на началахъ, при которыхъ политическія права гражданъ находятся въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ ихъ имущественными и культурными интересами, иными словами: установленіе имущественнаго и образовательнаго ценза.

Объединеніе прибалтійскихъ губерній въ одну высшую административную единицу (Генералъ-Губернаторство) съ областнымъ совѣтомъ изъ представителей мѣстныхъ общественныхъ группъ, для обсужденія и предложенія законовъ и мѣропріятій имѣющихъ мѣстное значеніе.

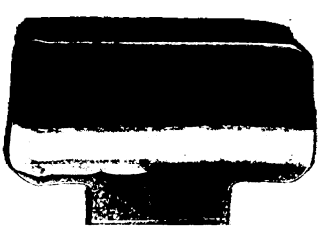
Учрежденіе высшей областной судебной инстанціи.

Обязательное знаніе мѣстныхъ языковъ (въ томъ числѣ и нѣмецкаго) со стороны всѣхъ лицъ судебныхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденій, а также и низшихъ административныхъ должностей, имѣющихъ непосредственныя сношенія съ населеніемъ.

Право подавать въ мѣстныя учрежденія документы на нѣмецкомъ языкѣ.

При дарованіи автономіи въ такихъ скромныхъ и разумныхъ предѣлахъ оживится и оздоровѣетъ мѣстная жизнь; всѣ части населенія, безъ различія племени, примутъ въ немъ участіе, соотвѣтствующее ихъ государственному значенію, а россійское государство имѣло бы снова въ этомъ краѣ одну изъ наиболѣе цвѣтущихъ областей, съ населеніемъ безусловно и беззавѣтно ему преданнымъ. Раны отъ пережитой смуты залечились бы, а уронъ не прошелъ бы безслѣдно ни для нѣмцевъ, ни для латышей и эстовъ.

Ф. Врангель.

Мартъ 1907 г.

16194/c